

Омакаева Э. У. Народные знания // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. С. 301–304.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А.; Ин-т

монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.

Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 340–342.

Эшаде М. Миф о вечном возвращении / ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова. М.: Ладомир, 2000. 415 с.

УДК 398.21
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКАЯ КУМУЛЯТИВНАЯ СКАЗКА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СОХРАННОСТИ ТЕКСТОВ

Т. Г. Басангова, Б. Б. Манджиева

Кумуляция, под которой понимается циклическое повторение сюжетных узлов, является одним из распространенных приемов создания сказочного сюжета в мировом фольклоре. Обычно кумулятивные сказки относят к детскому фольклору, т. к. для них характерны напряженность сюжета, эмоциональность и занимательная форма исполнения.

Данный вид сказок, выделяемый в международную научную практику в качестве особого вида (нем. *Zahlmdrchen* 'кружащиеся вокруг одного места'), построен на многочисленных повторах эпизодов с включением новых персонажей или на увеличении числа персонажей. Как подчеркивает В. Я. Пропп, им присуще такое же структурное единство, какое свойственно волшебным сказкам [Пропп 1976: 243]. Несомненными его заслугами являются само выделение кумулятивных сказок из корпуса русских сказок и принципиальная дифференциация кумулятивных сказок и сказок о животных. Их выделение из сказок о животных осуществлено на тех же критериях и почти в то же самое время, когда и волшебные сказки. Одним из таких оснований является структура сказок: «Основной композиционный прием кумулятивных сказок состоит в каком-то многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке» [Пропп 1976: 292]. Впрочем, В. Я. Пропп, здесь, не был первооткрывателем: в «многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы» видел специфику такого рода сказок и А. И. Никифоров [1928: 53], по мнению И. И. Толстого [1936].

Уместно напомнить о том, какие формальные признаки сказок выделял сам

А. И. Никифоров:

- 1) двусоставность сюжетной схемы: рамочная и внутренняя части сюжета (повторяющиеся и составляющие *specificum* сказки элементы);
- 2) сущность содержания сказки, заключающаяся в многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы;
- 3) элементы повтора, представленные в шаблонизированных конструкциях¹;
- 4) диалог, обязательный для шаблонизированных и повторяющихся частей текста и составляющий его специфическое;
- 5) основное действие как важнейший, кристаллизующий сказку фактор. При этом «большинство сказок группы имеет в качестве композиционного стержня только одно действие, именно — встречи. Конкретное разнообразие сюжетов отдельных сказок группы определяется, так сказать, вторичными действиями, которыми обрастает осевое действие — встречи» [Никифоров 1928: 53–59].

В. Я. Пропп в свою очередь предпринял попытку каталогизировать кумулятивные сказки и выявил одиннадцать их типов (или рядов):

- I. Ряд отсылок или насылок;
- II. Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний;
- III. Ряд мен или обменов;
- IV. Напрашиваются в избу или изгоняются из нее (или не пускают в нее);
- V. Напрашиваются в сани (телегу, лодку);
- VI. Ряд приобретений или наград;

¹ Имеется 4 вида шаблонизации: 1) прозаический диалог; 2) «короткий, отрывистый диалог, который, благодаря речитативному произнесению начинает принимать определенный ритмический склад» [Никифоров 1928: 53]; 3) стих с песенной установкой; 4) смешанный (сочетание диалога прозаического со стихотворным).

VII. Ряд действий в невпопад;
VIII. Ряд отказов в помощи;
IX. Цепляются друг за друга, становятся друг на друга;
X. Убиваются по пустякам;
XI. Спрашивают, перечисляют, многократно рассказывают и пр. (в сказках одного типа/ряда кумуляция создается исключительно диалогами) [Пропп 1976: 249–257].

В калмыцком фольклоре есть небольшие по объему сказки, героями которых являются и люди, и предметы быта, и животные, и птицы. Так, в подготовленном Т. Г. Басанговой сборнике сказок «Сандаловый ларец» можно найти кумулятивные сказки, здесь они не выделены в отдельный раздел, а объединяются со сказками о животных [Басангова 2002: 191–198]. Отмечая их незначительное число и принадлежность к детскому фольклору, Т. Г. Басангова акцентирует внимание на то, что в калмыцком фольклоре сохранились «кумуляции» прозаического, песенного и стихотворного характеров, древняя лексика и упоминание мифических персонажей [Басангова 2002: 35].

В калмыцком фольклоре можно найти кумуляции прозаического характера, это, например, сказка «Богшада» ('Воробей') [Басангова 2002: 191–192], которая впервые была записана Г. Балинтом, сохранилась она также в рукописях Номто Очирова и в репертуарах известных сказителей Санджи Манджикова и Шани Боктаева. Эту калмыцкую сказку Д. А. Носов относит к I разделу пропповской классификации кумулятивных сказок: «данная сказка наиболее соответствует типу 2а этого раздела „Мыши нейдут горох брать“. Из каталога Лёринца мы узнали, что „эта сказка, по всей вероятности, самая распространенная кумулятивная сказка у монголоязычных народов“» [Носов 2010: 86].

Сказка «Человеческое счастье» [Басангова 2002: 192–193] входит в III разряд в классификации кумулятивных сказок «Ряд мен или обменов»: человек получает от хана в награду за правильные ответы на вопросы ягненка, которого он меняет на собаку, собаку — на рукавицы из собачьей шерсти, рукавицы — на пустой котел [Носов 2010: 86].

«Сказку о жадном волке» [Басангова 2002: 197–198] можно отнести ко II разделу «Ряд осуществленных или избегнутых пожираний», хотя более точно ее можно

определить как II.7 «Пение волка» (вариант сюжета 162 из каталога Н. П. Андреева) [Носов 2010: 86]. Она повествует о том, что волк каждую ночь приходит к юрте и воет и ему последовательно отдают на съедение собаку, коз, дочерей и т. д. до тех пор, пока он не съедает всех.

Сказка «Человек-силач» [Басангова 2002: 198] по классификации В. Я. Проппа относится к IX разделу. Это типичная «вопросная» сказка «Кто сильнее?». По мнению Д. А. Носова, приведенный Л. Лёринцом сюжет АТ 2031 «Силач и еще более сильный» и записанная Т. Г. Басанговой сказка — это разные варианты одного и того же произведения [Носов 2010: 86]. Текст строится по принципу вопрос → ответ: овечья селезенка прилипает ко льду, на вопрос старика о том, почему она прилипла, та отвечает, что лед сильнее. Затем лед отвечает, что сильнее его — солнце. Солнце отвечает, что сильнее его — горы. Горы отвечают, что сильнее — человек.

Д. А. Носов считает, что отдельного рассмотрения требует сказка «Старик со старухой и петух» [Басангова 2002: 193–195], в которой кумуляция «Ряд осуществленных и избегнутых пожираний», по всей вероятности, является чуждым структурным элементом, который был уже впоследствии внесен в сказку [Носов 2010: 86]. Сюжет сказки заключается в следующем:

Петух избегает съедения стариком и старухой, пообещав заработать для них денег. Петух по пути проглатывает зайца, лису и волка, а потом попадает в курятник богача, где выпускает лису, а та убивает всех кур. Богач бросает петуха к овцам, где выпущенный волк убивает всех овец. Богач пытается утопить петуха в колоде, но тот выплывает в нем всю воду. Богач пытается зажарить петуха, но тот выпитой водой тушит огонь в очаге. Богач запирает петуха в сундук с драгоценностями, но петух выпускает мышь, и та помогает ему уйти с мешком золота к старику и старухе.

Помимо этого, Д. А. Носов выделяет еще два сказочных текста — «Сказку о трусливом зайце» [Басангова 2002: 187–188] и «Свирепый лев» [Басангова 2002: 183–184], которые содержат кумулятивные элементы как часть композиции. В обоих сказочных произведениях троекратная

нарастающая отсылка персонажей играет не главную, но все же значительную роль [Носов 2010: 86]. Приведем краткий пересказ одного из сюжетов.

Заяц пугается чего-то в луже или колодце и убегает. К нему присоединяются один за другим разные животные, последний из которых лев. Он решает посмотреть, что напугало зайца, прыгает на отражение в колодце и тонет.

В фольклорной традиции калмыков сохранилась кумуляция и стихотворного характера, например в сказке «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») [Саглар ээжин туульс 2002: 11]. Иногда этот текст относят к иносказательному игровому стихотворению или к иносказательной детской песне, хотя правильнее было бы ее идентифицировать как кумулятивную сказку III разряда «Ряд мен или обменов».

В ходе экспедиции 2008 г.² удалось проследить историю этой сказки, популярной среди детей. Впервые данный текст был записан преподавателем Калмыцкого педагогического училища С. А. Кензеевым от абитуриентки К. Харкибеновой в 1980 г. на вступительном экзамене в это учебное заведение. Сказку абитуриентка выучила от своего деда Харкибенова Хагла (из рода асмуд, арван цядрмуд), уроженца Кетченеровского района, пос. Годжур, знатока калмыцкого фольклора. Эту запись С. А. Кензеев поместил в одном из учебников по калмыцкому языку [Калмыцкий язык 1990]. Затем данный текст из письменного источника попал в устное бытование и до сих пор популярен в детской среде. Здесь интересна цепочка распространения фольклорного произведения по следующей схеме: устное бытование → письменное бытование → устное бытование. Кумулятивный текст был записан Т. Г. Басанговой в 1985 г. от Д. Х. Муниевой, проживающей в пос. Тугтун Кетченеровского района Республики Калмыкия. В 2008 г. во время полевой экспедиции Т. Г. Басангова зафиксировала текст кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» от К. Харкибеновой, проживающей в пос. Годжур Кетченеровского района Республики Калмыкия.

Материалом для исследования сохранности текста этой сказки послужили три

² В работе фольклорной экспедиции 2008 г. большое внимание уделялось сбору детского фольклора (считалкам, дразнилкам, играм на пальцах) с помощью видеокамеры, фотоаппарата и диктофона.

разновременные записи, которые представлены ниже в зависимости от полноты:

— I вариант: информант К. Харкибенова (запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.) [ПМ: 1];

— II вариант: информант Д. Х. Муниева (запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.) [ПМ: 2];

— III вариант: информант Е. Лиджиева (запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.) [ПМ: 3].

Для выявления текстовой сохранности сказки «Сарин сарулла йовж йовад» было проведено синоптическое сравнение трех вариантов фольклорного текста. При анализе записей была применена методика полного синоптического сопоставления текстов, предложенная В. М. Гацаком для эпических произведений [Гацак 1989: 65], но несколько модифицированная нами с учетом специфики детского фольклора:

1) тексты даются параллельно, совпадающие формально и по смыслу фрагменты располагались на одном и том же уровне, что помогает сразу же обнаруживать имеющиеся совпадения;

2) все позиции нумеруются;

3) в объединенных ячейках по вертикали создаются пустоты, когда в данном тексте отсутствуют мотивы и фразы, которые есть в другой записи;

4) в варианте, в котором отсутствует тот или иной мотив/фраза, ставится прочерк;

5) при полном совпадении фразы позиции строк располагаются так, чтобы видна была их принадлежность ко всем трем текстам [Гацак 1989: 65].

Синоптическое сопоставление разновременных записей кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» дало 23 строчные позиции. Таблица полного синоптического анализа наглядно показывает устойчивые стилевые и структурные элементы текста, которые выделены жирным шрифтом (см. табл.).

На основе сопоставления трех разновременных записей иносказательной сказки было определено, что с небольшими вариациями более или менее устойчивыми оказались 12 строчных позиций, с теми или иными вариациями — 5 позиций. Различия наблюдаются в 11–14 строках, что можно объяснить тем, что данный текст допускает некую степень импровизации. Возможной причиной отсутствия во втором варианте 13–17, 21–23 строк является то, что при устной передаче эти строки были, вероятно, утрачены у информанта.

Полное синоптическое сопоставление contemporaneous texts кумулятивной сказки
«Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью»)

	I	II	III
№	информант К. Харкибенова (запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.)	информант Д. Х. Муниева (запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.)	информант Е. Лиджиева (запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.)
1	Сарин сарулла йовж йовад, Шла я светлой лунной ночью,		
2	(I. Би) Сам олж (I. авбв; II. авв; III. авад). (I. Я) Гребешок нашла.		
3	Самиг (II-III. саман) (I. би) I. ээждэн; II. нохад; III. бергндэн) өгэд (I. өгүв), Гребешок (II-III. свой гребешок) (I. я) I. бабушке; II. собаке; III. золовке) отдала,		
4	(I-II. Ээжм; III. бергм) нанд хөөрмг (II. аадмг) хүлдж өглэ (III. өгвэ), (I-II. Бабушка; III. старшая сноха) мне хойрмок (II. адмак) купила,		
5	(I. Ээжин; I, III. хөөрмгэн II. аадмган) нохад өгүв, (I. Хойрмок) (II. адмак), подаренный бабушкой, я собаке отдала,		
6	Ноха (II-III. нанд) кичгэн өгв (II-III. өгэд), Собака (II-III. мне) щенка отдала,		
7	Нохан кичгиг би назрт өгүв, Щенка я подарила собаке,	Кичгинь би хөөнд өглэв, Щенка я отдала овце,	Кичгэн би назр цокад, Щенка я ударила о землю.
8	Назр нанд өвсэн өгв (II-III. өгэд), Земля мне дала траву,		
9	(I. назрин) өвсиг (II-III. өвсинь) би хөөнд өгүв (II-III. өгэд), Траву я отдала овце,		
10	Хөн (I. нанд) хурһан (I, III. өгүв; II. өгэд), Овца мне ягненка отдала,		
11	-	Хурһинь темэнд өглэв, Ягненка отдала верблюду,	Хурһинь онц таалад, Ягненка особо приласкала,
12	Хөөнэ хурһар хөөчиг шивв, Ягненком швырнула в чабана	См. № 20.	—
13	Хөөч нанд маляһан өгв, Чабан отдал мне плетку- маля,	—	Онц нанд маляһан өгэд, Отдал мне плетку маля,
14	—	—	Маляһарн би назр цокад, унтв. Плеткой я ударила о землю и уснула.
15	Хөөчин маляһар тоодг шивв, Плеткой-маля бросила в дрофу,	—	—
16	Тоодг нанд өндгэн өгв, Дрофа отдала мне яйца,	—	—

17	Тоодгин өндгиг моднд өлгүв, <i>Яйца дрофы я повесила на дерево,</i>	—	—
18	Модн нанд бүчрэн өгв, <i>Дерево дало мне свои ветки,</i>		—
19	Модна бүчриг темэнд өгв, <i>Ветки дерева я отдала верблюду,</i>	См. 11.	—
20	Темэн нанд ботхан өгв, <i>Верблюду мне отдал верблюжонка,</i>	—	—
21	Темэнэ ботхиг мордж авад, <i>Я оседлала верблюжонка</i>	—	—
22	Эн булг һарад, <i>И переправилась через родник,</i>	—	—
23	Ирсн эмгн би болжанав! <i>Старушка, которая прибыла к вам, это я!</i>	—	—

Таким образом, в калмыцком фольклоре встречаются кумуляции в основном прозаического и редко стихотворного характера. В результате синоптического разбора трех вариантов текста кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» было выявлено, что сюжетно-повествовательная основа текстов, которая представлена в виде взаимосвязанной цепочки действий, осуществляемых одним лицом (персонажем) посредством передачи объекта (предмета) следующему субъекту (персонажу), сохранила основную линию повествования, несмотря на функционирование стихов, отличающихся в разных версиях.

Полевой материал

1. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант К. Харкибенова, запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.
2. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант Д. Х. Муниева, запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.

3. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант Е. Лиджиева, запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.

Литература

- Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
- Калмыцкий язык [Текст]: Учебник для 5 класса / Б. Б. Бадмаев, С. А. Кензеев, Р. П. Дораева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 168 с.
- Никифоров А. И. Народная детская сказка драматического жанра. Л., 1928. С. 49–63.
- Носов Д. А. Монгольская народная кумулятивная сказка // Монголика IX. СПб.: Петербург. Востоковед., 2010. С. 84–89.
- Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 322 с.
- Саглар ээжин туульс (Сказки бабушки Саглар) (на калм. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 44 с.
- Толстой И. И. Обряд и легенда афинских буффоний // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 251–264.
- Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.